

города-крепости. Отсюда В. Н. Топоров выводит такие понятия, как «овладеть городом» (Город-Дева) и Раз-врат (распахнутые ворота Города-Блудницы).

Однако характеристики связываются и с конкретными *Nomina loquens*. Так, Киев известен как «Мать городов русских» (что несколько иронически обыгрывается в старом «Сатириконе», поскольку род имени и род характеристики не совпадают); все знают, что «Одесса-мама» и т. д. Но есть и номинации более нетривиальные. Так, изучение переписки А. С. Пушкина (его письма и письма к нему) позволило мне обнаружить последовательную синтаксическую разницу в позициях Москвы и Петербурга. Москва – это, как правило, актант, субъект: *Москва стара стала*; *Москва сплетничает о тебе* и под. Петербург же – это локус, обстоятельство места: *В Петербурге наводнение*; *В Петербурге говорят* и т. д. В известной степени это различие сохраняется и до настоящего времени.

В советское время дружественную по отношению к СССР страну называли полностью: Болгария, Чехословакия, Северная Корея и под.; недружественную – по ее столице: *Вашингтон заявляет...*; *Париж отвечает Лондону* и т. д.

Можно предположить, что внимательный анализ текстовых характеристик того или иного города может составить его семантический «имидж», в той или иной степени к нему близкий или даже далекий.

Б. Островский
Краков (Польша)

Балтийская и славянская метеорологическая лексика: семантические различия и сходство

Метеорологическая лексика принадлежит к древнейшему пласту «обыденного» словарного состава любого языка, ведь человек испокон веков ежедневно вынужден был сражаться с явлениями и обстоятельствами природного мира. Климатические и неразделимо с ними связанные метеорологические условия заставляли людей не только наблюдать природные явления, но даже прогнозировать на их основании будущее. Все эти факторы позволяют уже заранее выдвинуть убедительный тезис о том, что словарный состав современных (в том числе славянских и балтийских) языков богат лексическим материалом из области метеорологии.

Задачи настоящего доклада:

1) определить общие по структуре балто-славянские слова, получившие во время становления и развития языка (или группы языков) метеорологические значения, и проанализировать пути их семантической эволюции (совместной или самостоятельной), указав сходства и различия;

2) обратить внимание на общие в семасиологическом плане тенденции переосмыслений нетождественных по структуре метеонимов в языках балтийской и славянской групп (иногда в сопоставлении с данными других индоевропейских языков).

Ниже в качестве иллюстрации приводится лишь один пример. Полный материал, его анализ и заключительные выводы представлены в докладе.

Интересные изменения в семантическом плане наблюдаются в родственных по происхождению лексемах: литов. *dangùs* ‘небо’ и некоторых славянских континуантах праслав. **doga*. Литовское слово посредством чередования корневого гласного связано с глаголом *dengiù, deĩgti* ‘прикрыть, накрыть’ (отсюда также *dangà* – вначале в абстрактном значении действия по глаголу *dengi*, позднее в конкретизированном: ‘что-либо покрывающее; крышка, прикрытие, покрывало’ > ‘одежда’: метеорол. ‘снежный покров, снежный занос; засыпанная снегом поверхность’). Таким образом, следовало бы считать, что первоначальным значением литов. *dangùs* было более широкое ‘покров, свод’, которое впоследствии подверглось специализации (т. е. сужению семантического диапазона) и стало лишь метеорологическим термином, обозначающим ‘небесный свод, небо’. В. Смочиньский приводит структурно-семантическую параллель из нем. *Himmel* м. ‘небо’ < **hem-ila*, производного от корня **kem-* ‘прикрыть, заслонить, заволочь’ [Smoczyński, 92] (ср., кстати, рус. *туча заволочла солнце*).

Соединительным семантическим звеном между данными балтийской и славянской языковых групп является латыш. *daĩdžis*. Его значение – ‘колесный обруч’ – находится в непосредственной связи с болг. *дъга* ‘сегмент круга, полукрут, искривление, загиб’, белор. диал. *дугá* (*дуга ў возя*), рус. *дугá* ‘дуга, лука, что-либо дугообразное’, польск. *dega* (XVI в., возможно, из укр. *дугá*) ‘дуга, полукрут’, в.-луж. *duha* ‘то же’ и др. Известное всем славянским языкам переносное, метеорологическое значение ‘радуга’, развившееся по модели: ‘дуга, искривление; дугообразный предмет’ > ‘радуга’ – и возникшее, по всей вероятности, еще в эпоху общеславянского единства [ср.: SP, 4, 192–195; ЭССЯ, 5, 98–99], имеет соответствия в других языках, ср. лат. *arcus* ‘дугообразный предмет’ > ‘лук (разновидность метательного оружия, предназначенная для стрельбы стрелами)’ : ‘радуга’.

Приведенный языковой материал свидетельствует о различных путях семантического развития слов, восходящих к общей балто-славянской форме. Несмотря на то, что исходный пункт один и тот же, этапы собственного внутреннего развития привели к образованию лексических единиц, не совпадающих по своему значению, хотя и имеющих одну область применения (метеорологическая терминология): с одной стороны, это усвоенное литов. *dangùs* значение ‘небо – пространство над поверхностью Земли’, с другой стороны – присущее всем славянским языкам значение ‘радуга’ у слов, восходящих к праслав. **doga*. Следует указать и на так называемую точку соприкосновения, которой в нашем материале является латыш. *daĩdžis* ‘колесный обруч’. В этом языке нет реальных следов развития ни в литовском, ни в славянском направлении, хотя метеорологическая семантика закреплена в приставочном глаголе той же структурно-семантической группы – *sadingti* ‘промерзнуть, отвердеть, одеревенеть, околеть’.